

**АНАТОЛИЙ
ЛУКЬЯНОВ**

АВГУСТ

91-го

**А БЫЛ ЛИ
ЗАГОВОР?**

Анатолий Иванович Лукьянов
Август 91-го. А был ли заговор?
Серия «Суд истории»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6111103
Август 91-го. Был ли заговор? : Алгоритм, Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42090-2

Аннотация

Анатолий Иванович Лукьянов в 1990–1991 гг. был председателем Верховного Совета СССР. Привлекался к уголовной ответственности по делу «Об августовском путче 1991 года». В состав ГКЧП Лукьянов не входил, однако, по мнению многих, был одним из инициаторов событий августа 1991 года.

С 29 августа 1991 г. по декабрь 1992 г. находился в следственном изоляторе «Матросская тишина», после чего он был освобожден под подписку о невыезде. 23 февраля 1994 г. постановлением Государственной Думы была объявлена амнистия для всех участников путча, и уголовное дело было закрыто.

В своей книге А. И. Лукьянов решил рассказать обо всех обстоятельствах так называемого заговора ГКЧП. Как показывает А. Лукьянов, никакого заговора в действительности не было или, вернее, был другой заговор – тех, кто желал разрушения СССР и ликвидации советского строя в нашей стране.

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть 1. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СССР	7
Часть 2. АВГУСТ 91-го. «ПУТЧ» В ЗАЩИТУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анатолий Лукьянов

Август 91-го. А был ли заговор?

Вместо предисловия

Я родился и вырос в одном из самых древних русских городов на стыке России, Белоруссии и Украины – Смоленске. Этот город, стоявший на пути к Москве против многих чужеземных завоевателей, неоднократно сгорал дотла, а потом воскресал из пепла и разорения. Смоленщина, пожалуй, одна из самых многострадальных частей России.

Мое детство кончилось 28 июня 1941 года, когда от прямого попадания бомбы сгорел дотла наш дом, стоявший на самом берегу Днепра... Тогда же, в июле, я последний раз увидел отца: он приехал с фронта повидаться с нами. Капитан инженерно-саперных войск...

Хорошо помню, как с бабушкой, младшим и двоюродным братьями добирались из Смоленска через Сухиничи и Козельск до Калуги... Дорогу простреливали фашистские самолеты. Еще воспоминание: страшный голод в эвакуации. Заглушить его можно было только махрой. Это уже в Балашове, в Саратовской области. Там я пошел на военный завод, который восстанавливал поврежденное оружие, поступавшее с фронта. Разборка, выправление того, что можно исправить, чистка – все это делали мы, мальчишки. Нам доверяли. Хотя многие из нас подставляли ящики, чтобы достать до суппорта станка.

Потом уже, много лет спустя, во время одной из командировок мне показалось, будто увидел именно свой станок. И вдруг захотелось к нему подойти. Было неловко: а что как не сумею, не вспомню? Но руки легли на металл, и все получилось, руки помнили. Школу закончил в Смоленске с золотой медалью.

Потом был юридический факультет МГУ. В те годы он оставался центром большой науки и высочайшей школой знаний для тысяч детей войны. Здесь преподавали академики Несмеянов и Зелинский, Шмидт и Тарле. На юридическом факультете читали лекции многие из дореволюционной школы: историки Юшков и Галанза, такие виднейшие специалисты по гражданскому, международному и уголовному праву, как Новицкий и Дурденевский, Трайнин и Меньшагин, блестящий знаток политических и правовых учений Кечекьян. Скажу прямо, я с огромным интересом поглощал идущий от них поток знаний, учился той удивительной увлеченности, с какой они относились к научным исследованиям.

Но это была только часть того, что давал университет. В наше университетское общежитие на Стромынке, 32 в первые послевоенные годы часто приезжали известные литераторы, композиторы, артисты. Мы их, конечно, боготворили. Но, думаю, и им было интересно с нами! Тогда я увиделся, был очарован Михаилом Светловым, молодым Юрием Трифоновым, Николаем Тихоновым, Ярославом Смеляковым, Константином Симоновым. Слушал Рихтера и Гилельса, Михайлова и Максакову, Яхонтова и Качаряна. Соприкосновение с этими людьми оставило след на всю жизнь.

Для недавних фронтовиков и для нас, приезжих, многое в столице было внове. И ребята-москвичи часто над нами подшучивали: то-то мы не читали, то-то не видели, о том-то не знаем. Наверное, это и стало стимулом: ночи напролет мог читать Флобера, Джека Лондона, Канта... А еще ночами приходилось грузить на вокзалах уголь, дрова, овощи. Стипендия-то была – 290 рублей, как говорится, на старые деньги. Грузили, зато назавтра шли в консерваторию или во МХАТ на галерку.

В 1953 году закончил университет, а в 1956 году – аспирантуру по кафедре теории государства и права.

После аспирантуры я был направлен на работу в Юридическую комиссию при Совете Министров СССР. Здесь занимался главным образом сравнительным правоведением, был экспертом при заключении первых договоров о правовой помощи с зарубежными странами, прежде всего с государствами Варшавского Договора.

В 1961 году меня перевели из правительственного аппарата в Верховный Совет СССР. Тут предстояла большая работа по обновлению законодательства и подготовке проекта новой Конституции страны. В связи с этим пришлось основательно изучать документы по истории становления и развития нашего конституционного строя, в том числе материалы из личного архива Сталина. Работая в отделе по вопросам работы Советов, секретарем парткома аппарата Президиума Верховного Совета СССР, часто выезжал на места, побывал практически во всех союзных республиках. Защитил кандидатскую, а потом докторскую диссертацию.

Тема диссертации: «История и теория законодательства о советских представительных органах». Исследовал закономерности развития органов государственной власти, законодательства об их функциях. В диссертации есть глава – по вопросам сравнительного права, западного и нашего. Начал заниматься этими вопросами еще в 1956 году, когда меня взяли в правительственный аппарат. Продолжал анализировать, сравнивать зарубежные и наши правовые институты. Так постепенно профессиональная работа начала сливаться с политической. Тяга к науке осталась, и, честно говоря, в моменты разочарования, а они, по-моему, бывают у каждого думающего человека, мечтал снова заняться наукой.

В 1976–1977 годах участвовал в подготовке проекта союзной Конституции, работая в аппарате ЦК КПСС. Затем снова вернулся на работу в парламент, где до 1983 года был начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР.

В январе 1983 года по предложению Ю. В. Андропова был переведен на работу в ЦК КПСС. Там был сначала первым заместителем заведующего, а потом заведующим Общим отделом, обслуживающим непосредственно Политбюро и Секретариат Центрального Комитета партии. Дальнейшие мои назначения состоялись уже в эпоху перестройки.

Часть 1. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СССР

О заседаниях Политбюро в ночь с 10 на 11 марта 1985 года и на следующий день написано уже немало. Когда-нибудь и я расскажу о них подробнее...

В ту бессонную ночь была подготовлена речь М. С. Горбачева на Пленуме ЦК, который открылся на следующий день выступлением А. А. Громыко, внесшего предложение о новом Генеральном секретаре Центрального Комитета. Избрание на этот пост М. С. Горбачева было подготовлено всем ходом событий, многочисленными встречами и беседами Е. К. Лигачева и других членов Политбюро с местным партийным активом, с членами Центрального Комитета. Скажем прямо, поддержка была достаточно внушительная. Уж очень надоели людям дряхлые старцы во главе страны, догматизм, неэффективность управления, экономический и политический застой.

Теперь нужна была программа практических действий, четкие ориентиры развития общества. В этом ключе шла подготовка к апрельскому (1985 г.) Пленуму Центрального Комитета. Материалы к нему готовились в пригороде Москвы Волынском – рядом с бывшей ближней дачей И. В. Сталина. День и ночь шли горячие споры, высказывались прямо противоположные точки зрения. Но уже тогда наметились сначала не очень ощутимые, а потом все более заметные трещины в нашей тогда еще более или менее единой команде. Там, в частности, уже в те апрельские ночи 1985 года у нас были споры с А. Н. Яковлевым и о частной собственности на землю, и о введении многопартийности, и об отношении к странам Восточной Европы. В одном из своих интервью «Литературной газете» в 1991 году Яковлев признал, что еще весной в 1985 году он предлагал ввести в Советском Союзе двухпартийную систему.

На апрельском Пленуме был провозглашен курс на усиление научно-технического прогресса, на развитие активности в различных областях общественной жизни. Нужно было обновлять кадры партии, налаживать новый ритм, новые методы партийной работы. 14 мая 1985 года Политбюро утвердило меня заведующим Общим отделом ЦК КПСС. Теперь мне было суждено постоянно быть в курсе важнейших событий, которые были связаны с работой Политбюро. Народное хозяйство, снабжение населения, основные узлы международных отношений – все это находилось в то время в поле зрения Политбюро и Секретариата ЦК. Конечно, были среди их решений того времени немало поспешных, недостаточно продуманных документов, – таких, как решение о ведении выборности директоров предприятий, о нечем не регламентированном развитии кооперации, об антиалкогольной компании, – но было и немало точных, выверенных шагов, особенно в сфере усиления информированности людей и организации партийной работы на местах.

Много сил потребовали подготовка и проведение в конце февраля – начале марта 1986 года XXVII съезда партии. Принятые на нем документы, резолюции по вопросам партийного и государственного строительства, гласности, укрепления законности и правопорядка – должны были прежде всего служить ускорению развития общества. На XXVII съезде партии я был избран членом Центрального Комитета КПСС, того Центрального Комитета, политика которого уместилась в одно трудное, многозначное и спорное слово – перестройка.

То, что вмещало в себя это понятие и что оно принесло нашему народу, видимо, еще не раз будет оцениваться историками, да и я отношусь к нему критически и пристрастно. Ясно, что это был перелом, перелом крутой, не всегда продуманный и последовательный, в чем-то оптимистический и в то же время глубоко трагический для миллионов людей. Дело в том, что расковать потенциальные силы общества, освободить их – это еще не все. Главное состояло в том, на что, на разрушение или созидание, будет использован этот потенциал, насколько шаги по разрушению старого будут согласовываться с созданием новых форм жизни, удастся

ли удержат эти процессы в нормальном русле, обойтись без острых столкновений и конфронтации.

Трагедия была в том, что удержать разрушительные процессы все-таки не удалось. Все, как говорят на Руси, пошло комом, а потом покатило под откос. Задачи наращивания научно-технического прогресса довольно быстро были заменены общей задачей «ускорения», затем внедрением рыночных отношений. Вскоре вперед вырвалась политическая реформа, в ходе которой разрушительные политические процессы обернулись дезинтеграцией экономической жизни, межнациональными конфликтами, войной суверенитетов и законов, разрушением Союза ССР. Но все это было еще впереди.

* * *

На мою же долю после XXVII съезда партии выпала как раз та часть этих трудных процессов, которая была связана с политической и правовой реформой. 28 января 1987 года Пленум ЦК КПСС избрал меня секретарем Центрального Комитета, в ноябре 1987 года к этому прибавилось заведование Отделом административных органов ЦК КПСС. Скажу прямо, что почти два года пребывания на этих постах позволили основательно вникнуть во все сферы работы наших правоохранительных органов, армии, милиции, разведки. Немало пришлось решать возникавших тогда проблем – и кадровых, и законодательных, и организационных. Описание их заняло бы много страниц. Отмечу только, что ничего не прошло тогда мимо меня – ни реабилитации жертв 1936–1937 годов, ни чернобыльская катастрофа, ни смена военного руководства страны после посадки Руста на Красной площади, ни трудные решения по выводу наших войск из Афганистана, ни проблемы разоружения. Не минул меня и разгоревшийся пожар межнациональных конфликтов, когда в январе 1988 года вместе с В. И. Долгих пришлось выехать в Армению, где бушевали страсти в связи с событиями в Нагорном Карабахе и Сумгаите.

Работа секретарем ЦК фактически ввела меня в большую политику. Еще острее пришлось ощутить, насколько сложное это дело – политическая, государственная деятельность. Недаром английский лорд Галифакс говорил, что «государственная деятельность – бессердечное ремесло. Тому, кто от природы добр, здесь делать нечего». Боюсь, что это сказано и обо мне.

Трудные решения не даются без борьбы. Сентябрьский (1988 года) Пленум Центрального Комитета освободил в связи с переходом на пенсию большую группу ветеранов – членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Всего более ста человек. Был ли этот шаг оправдан, мне трудно сказать. Думаю, что нет. Но в том составе, который тогда был, Политбюро в полную силу работать не могло. Взаимопонимания не было...

Решением Пленума 30 сентября 1988 года я был избран кандидатом в члены Политбюро и рекомендован на работу в Верховный Совет СССР. 1 октября 1988 года Председателем Президиума Верховного Совета был избран М. С. Горбачев. Меня избрали его первым заместителем.

Так судьба снова привела меня в парламент страны, с которым была связана четверть века, а теперь уже и 50 лет моей работы. Но тогда это были последние месяцы деятельности Верховного Совета СССР. Ему предстояло внести существенные изменения в Конституцию СССР и обеспечить проведение выборов на совершенно новой, альтернативной основе. В соответствии с принятым тогда законом предстояло избрать более двух тысяч народных депутатов СССР от территориальных и национально-территориальных округов, а также от общественных организаций. Вот эта задача и стала моим главным делом того периода. Здесь все было ново. Вопросы этой радикальной политической реформы пришлось многократно

докладывать на заседаниях Политбюро и в парламенте, на многочисленных встречах с партийным и советским активом.

Выборы, которые прошли весной 1989 года, стали действительно поворотным моментом в развитии нашей государственности. Встречи с возникшей тогда «московской», а затем «межрегиональной» депутатской группой показали: впервые за послеоктябрьский период родилась легальная оппозиция, требующая совершенно новых форм работы парламента. Беседы с академиком А. Д. Сахаровым, депутатами Поповым, Афанасьевым, Станкевичем, Кузьминым и другими представителями «новой волны» были трудными и жесткими. Начинаясь период, когда появлялась возможность пробудить наш спящий депутатский корпус и в полной мере осуществить старый лозунг «Вся власть Советам!»

Открывшийся в мае 1989 года первый съезд народных депутатов СССР подтвердил этот прогноз. Стенограмма съезда, за которым следила у телевизоров вся страна, дает представление о том, как труден был этот шаг политической реформы. Комментарии ученых, государствоведов и социологов даются сегодня самые разные.

Съезд тайным голосованием избрал М. С. Горбачева Председателем, а меня – первым заместителем Председателя Верховного Совета СССР – нового постоянно действующего законодательного и контрольного органа государственной власти страны. Работа в нем шла достаточно интенсивно. Постепенно выкристаллизовался обширный план законодательных работ, формировались отношения с правительством, начался складываться парламентский коллектив, способный решать стоящие перед ним трудные задачи.

Когда весной 1990 года М. С. Горбачев стал Президентом страны, третий съезд народных депутатов избрал меня Председателем Верховного Совета СССР. Эти выборы, проходившие 15 марта 1990 года, были проведены на альтернативной основе из восьми кандидатур и завершились уже в нервном туре.

Естественно, что нагрузка большой государственной работой, причем работой с депутатами различной политической ориентации, поставила передо мной вопрос о возможности оставаться в составе руководящих партийных органов. Поэтому, когда в июле 1990 года XXVIII съездом КПСС я был снова избран членом Центрального Комитета партии, мы с Н. И. Рыжковым поставили перед первым, после съезда, Пленумом ЦК вопрос о нецелесообразности избирать нас в состав Политбюро. Пленум поддержал это мнение. Изменение статьи 6 Конституции СССР о новой роли Коммунистической партии с необходимостью предопределило этот наш шаг.

* * *

Конечно, судьба каждого человека, соприкасающегося с решением вопросов большой политики, не может и не должна рассматриваться изолированно от того, что в целом происходило в нашей стране в середине девяностых годов, как складывались тогда отношения в руководстве партии и государства. Ведь, так или иначе, каждый из нас, если он мало-мальски честно и критически относится к себе, обязан разделить ответственность и за просчеты, и за ошибки, и за провалы того курса, который проводился и назывался «перестройкой».

И здесь речь пойдет, прежде всего, о партии, нашей Коммунистической партии, которая была становым хребтом советской общественной системы. Сейчас, пусть очень схематично, можно сказать, что в работе партии, Политбюро, ее Центрального Комитета после апреля 1985 года было как бы три периода.

Первый период я назвал бы периодом надежд. Он был связан с общим энтузиазмом, доверием, которое вызывала тогда политика Горбачева и его окружения. Ему верили, его защищали, ему симпатизировали. Политбюро того времени действовало напряженно, заседавая иногда по восемь – десять часов в неделю и решая самый широкий круг острейших про-

блем. Руководство партии работало достаточно коллегиально, без особых обид воспринимая критику, прислушиваясь к голосу каждого. «Старики», как правило, не давили на «молодых» своим авторитетом. Горбачев, в отличие от Брежнева и Черненко, старался не выступать первым, взвешивал мнения, спорил, присоединялся к наиболее дельным предложениям.

Особенно активные позиции занимал Егор Кузьмич Лигачев, которому было поручено вести заседания Секретариата ЦК. Все более ощутимой становится роль Николая Иванович Рыжкова, особенно в обсуждении и решении крупных хозяйственных вопросов. Политбюро было практически едино в том, что борьба идет за упрочнение социалистических общественных отношений, ускорение научно-технического прогресса, обновление производства, смягчение международной напряженности. В то же время ясного плана реформ тогда, конечно, не было. Было очевидно, что надо покончить с авторитарными методами управления, внедрять гласность, быть ближе к людям, развивать их общественную активность. Этими идеями был проникнут Политический доклад ЦК XXVII съезду партии. Но вместе с тем Политбюро того периода уже не олицетворяло былого «монолитного единства» и ортодоксальности. Все осязаемое становятся в нем позиции людей, которые, на словах поддерживая лозунг «Больше социализма», занимали все более антисоциалистические позиции, проповедовали «несомненные преимущества» частного предпринимательства, частной собственности на землю, свободного рынка, капиталистического пути развития. Особое место принадлежало тут А. Н. Яковлеву, ставшему к тому времени заведующим отделом пропаганды ЦК, а затем очень скоро секретарем ЦК, кандидатом в члены и членом Политбюро. К нему все чаще примыкал избранный в июле 1985 года членом Политбюро Э. А. Шеварднадзе. Появление в окружении Горбачева этих будущих его «злых гениев» вызывало недовольство стариков – членов Политбюро, накаляло в нем и без того непростую обстановку.

Горбачеву все труднее становилось маневрировать между этими крыльями своих соратников. Не обладая твердыми позициями, да, скажем прямо, и глубокими познаниями в области экономики и социологии, он прислушивался то к Яковлеву и стоявшим за ним академическим и другим кругам либерального толка, то к ортодоксам, которых защищал активный и напористый Лигачев.

* * *

Вывод Б. Н. Ельцина из состава Политбюро в январе 1988 года еще более накалил обстановку. Правда, на ноябрьском (1987 года) Пленуме ЦК и Яковлев, и Шеварднадзе дружно громили Ельцина, о чем они потом старались по возможности не вспоминать. Но борьба между Горбачевым и Ельциным (борьба, скажем прямо, зачастую без всяких правил и приличий) становится с тех пор постоянным фактором жизни наших партийных и государственных верхов.

Однако это было только прелюдией второго периода работы Политбюро, когда напряженность стала повседневным спутником его жизни. Весной 1989 года, когда Горбачев был в зарубежной поездке, с разрешения Лигачева «Советской Россией» была опубликована статья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Воспользовавшись этим, Яковлев, Медведев и Шеварднадзе наносят по Лигачеву давно задуманный удар, обвиняя его в поддержке консервативных сил, выступающих против перестройки. Проводится целое партийное расследование, за кулисами которого, несомненно, витала тень самого Генерального секретаря. Главным же режиссером этого политического спектакля был, несомненно, Яковлев. Яростное выяснение отношений состоялось на закрытом заседании Политбюро. Сохранившиеся у меня с того времени записи полны вопросов, как две капли воды похожих на идеологические экзекуции пятидесятых годов. За этим последовало отстранение Лигачева от руко-

водства заседаниями секретариата ЦК КПСС. Теперь их стал вести послушный и тишайший Медведев, а иногда и сам Яковлев.

Время было сложнейшее. Экономика трещала по швам. Шла подготовка к выборам народных депутатов СССР, которые должны были проводиться как по территориальным округам, так и от общественных организаций. Требовалась максимальная концентрация сил. А ближайшие помощники и соратники все дальше оттащивали Генерального секретаря ЦК в сторону от повседневных забот, связанных с укреплением социалистических устоев жизни общества. Недаром именно к концу 1989 года относятся откровения Горбачева одному из своих помощников: «Не думай, – говорил он, – что меня может что-то остановить, что есть порог, через который я не могу переступить. Все, что потребуется для самых глубоких преобразований системы, меня не смущает. Я пойду так далеко, как это будет нужно. А если говорить о конечной цели, насколько она может сегодня быть определена, то это – интеграция в мировое сообщество мирным способом. По убеждению я близок к социал-демократии». Теперь-то мы знаем, насколько далеко зашли эти устремления и к чему они привели. Но факт остается фактом. Уже тогда за кулисами Горбачев вел речь о переходе от одного общественного строя к другому, а на публике все еще звучали его клятвы о «приверженности социалистическому выбору» и «гуманному, демократическому социализму».

Естественно, такое сползание с социалистических позиций не могло получить поддержку у партии. Не было ее в полной мере и в Политбюро. Оно собирается реже и реже. Избранный Председателем Президиума Верховного Совета, а затем Председателем Верховного Совета СССР, Горбачев нее меньше нуждается в советах своих товарищей по партии.

Отсутствие устойчивых позиций в политике, эклектика в мировоззрении бросали Горбачева из одной крайности в другую. Стремясь примирить непримиримое, он мечется, принимает под воздействием то одной, то другой стороны противоречивые, поспешные решения, все дальше отступает от установок Программы партии, принятой XXVII съездом КПСС.

Важнейшие вопросы жизни страны стали все чаще решаться не коллективно, а в узком кругу ближайших советников Горбачева. Его выступления, многократно воспроизводимые по радио и телевидению, становятся вязким повторением одних и тех же прописных истин о «судьбоносности перестройки», о «начавшемся процессе», о «новом мышлении». Под влиянием Яковлева в речах появляются округлые слова о приверженности социалистическому выбору при общем движении к свободному рынку, все более размывается классовый подход к событиям, катастрофически нарастают межнациональные конфликты. Авторитет Горбачева быстро ползет вниз. Он уже, в общем-то, не очень скрывает свои социал-демократические, а порой откровенно либеральные позиции. Неумение удержать в руках ход политической реформы делало свое дело. Все глубже становилось непонимание между лидером партии и ее Центральным Комитетом.

* * *

С избранием Горбачева в марте 1990 года президентом страны и с внесением в то же время поправки в статью 6 Конституции СССР решение узловых политических вопросов общественной жизни уходит из поля зрения Политбюро ЦК КПСС, как вода в песок. Мы вступили в третий период – период распада, который закончился не только крушением партии, но и самой советской союзной государственности.

Для этого периода характерны резкое ухудшение экономического положения страны, вползание ее в социально-политический кризис, повсеместное ослабление порядка и дисциплины. Теперь партии противостояли реальные оппозиционные силы, которые требовали устранения ее от власти. Грозные межнациональные конфликты в Прибалтике, Закавказье,

Молдавии разрывали хозяйственные и политические связи, несли с собой тысячи жертв и сотни тысяч беженцев. Сильнейшим ускорителем этого разрушительного процесса и вместе с тем последнего акта трагедии Горбачева стало принятие первым Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о суверенитете России и избрание Ельцина Председателем Верховного Совета Российской Федерации.

Объявление всеобщей «суверенизации», приоритета республиканских законов над союзными, изображение центра как некоего имперского монстра поставили Союз ССР на грань распада.

Что требовалось, в этих условиях прежде всего? Требовалось максимальное единство партийных рядов, единство воли членов Центрального Комитета партии, Политбюро. А его не было. XXVIII съезд КПСС, проходивший летом 1990 года, этого единства укрепить не смог. В программном заявлении съезда обосновывается, прежде всего, необходимость движения к рынку и многоукладной экономике, развитие же социалистических общественных отношений отодвигается на второй план. Такой подход, естественно, не устраивал не только значительную часть делегатов съезда, но и очень многих членов вновь избранного Центрального Комитета. Правда на съезде не получили поддержки ни ортодоксы во главе с Лигачевым, ни сторонники социал-демократической ориентации, требовавшие прямой поддержки частного предпринимательства, во главе с Яковлевым.

Утвержденный XXVIII съездом новый Устав партии, и «федеральная» структура Политбюро сразу же обрекли его на малую работоспособность. Достаточно было перелистать протоколы Политбюро и Секретариата ЦК того времени, чтобы убедиться, что круг решаемых ими вопросов сузился до минимума. Партия становилась бездействующей, в значительной мере обезглавленной организацией. Она была неспособна уже противостоять как праволиберальным тенденциям, так и возможным путчистским устремлениям сторонников «жесткой руки».

* * *

В этом воочию убеждали два последних Пленума ЦК 1991 года. Уже на апрельском Пленуме восьмая часть членов Центрального Комитета выступила против М. С. Горбачева, который вынужден был пригрозить отставкой. Перед июльским Пленумом 32 из 72 секретарей обкомов Российской Федерации поставили вопрос о привлечении Горбачева к ответственности. Этот Пленум принял решение о созыве внеочередного съезда партии в конце 1991 года, на котором смена руководства Центрального Комитета была, на мой взгляд, во многом предпрешена.

Ни в малой степени не погрешу против истины, если скажу, что подавляющее большинство членов ЦК КПСС выступало против ослабления социалистических устоев жизни общества и развала Союза СССР, не было согласно с возникновением нового класса предпринимателей, с углублением социального расслоения, массовым обнищанием и безработицей.

И это в полной мере отражало те настроения, которые были характерны для значительной части рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции.

Люди не могли и, уверен, долго не смогут воспринимать всемирно пропагандируемые идеи о том, что собственник, а не труд людей, зарабатывающих себе на жизнь силами своих рук и ума, являются движущей силой общественного прогресса, что ничем не ограниченному рынку, социальному неравенству и безработице «нет никакой альтернативы».

Семьдесят послеоктябрьских лет не прошли даром. В общество глубоко вросли многие социалистические понятия, коллективистская психология, презрение к эксплуататорам и нахлебникам. Да, этот строй нуждался в радикальных изменениях. Да, многоукладность,

равноправие различных форм собственности, демократические свободы, политический плюрализм, раскрепощение личности – все это отвечало требованиям времени. Но ведь все должно было находиться в рамках социалистической, а не откровенно прокапиталистической модернизации. Никто не сможет отрицать, что именно эти, а не какие-нибудь другие соображения, преобладали весной и летом 1991 года у большинства членов Центрального Комитета, которые давали острую и нелюбезную оценку действиям своего Генерального секретаря.

В то же время было ясно, что такое несовпадение мнений большинства Центрального Комитета и лидера партии являлось противоестественными. Оно не могло долго продолжаться. За ним неизбежно следовало бы крушение партии, лишенной боеспособного руководства, либо устранение самого этого руководства.

Так и произошло. В августе 1991 года партия оказалась безоружной, неспособной противостоять развертыванию оголтелой кампании травли коммунистов и реставрации псевдодемократических, а по сути авторитарных порядков. Президент страны публично отказывается от выдвинувшей его на этот пост партии. Стало фактом парадоксальное явление – не руководитель оказался недостойным своей партии, а сама многомиллионная партия коммунистов была объявлена «недостойной своего лидера». То есть хотим мы того или нет, перед нами было предательство дела партии человеком, который был ей обязан всем своим существом и продвижением. Этим шагом был подписан приговор и самому президенту. Дни Горбачева на этом посту были сочтены.

* * *

Наверное, эти страницы покажутся читателю несколько абстрактными, избыточными общими оценками. Где здесь мое личное отношение к событиям, – спросит он, – где воспоминания? Отвечу просто: я был не только участником всей этой большой общепартийной драмы. Драма партии была и моей личной драмой так же, как, думаю, и драмой миллионов коммунистов по всей стране.

До какой-то поры я был сторонником Горбачева. Мы нередко спорили, по-разному оценивали обстановку, но в целом курс на перестройку объединял нас. Газеты даже стали писать, что мы похожи на двух стоящих спина к спине бойцов, отбивающихся кулаками от нападающих слева и справа. В этом была доля правды. Для меня была в ряде случаев неприемлема ни сугубая ортодоксальность Лигачева, хотя в личном плане это глубоко честный и последовательный в отстаивании своих взглядов большевик. С другой стороны, для меня были совершенно неприемлемыми идеи десоциализации и капитализации советского общества, проповедуемые Яковлевым.

Но чем дальше в политике Горбачева социалистическая перестройка превращалась в антисоциалистическую, тем тяжелее становились мои отношения с президентом. Если раньше разница в наших оценках сложившейся ситуации не выплескивалась наружу, оставалась за кадром, то теперь даже газеты стали все чаще писать, что у Лукьянова «есть своя особая, противостоящая президенту позиция». Эта тема старательно муссировалась, малейшие расхождения утрировались и разжигались. По договоренности с Горбачевым мне пришлось даже давать ответ на эти выступления прессы в официальном заявлении, опубликованном 27 марта 1991 года. Президент, в свою очередь, отвел эти домыслы газет в одной из своих речей в парламенте.

Однако попытки прессы, либеральных и других сил противопоставить Председателя Верховного Совета Президенту страны не только не ослабевали, а, наоборот, усиливались. Об этом мне не раз приходилось говорить с Горбачевым. В последний раз такой разговор состоялся у нас вечером 1 июля 1991 года. В ходе этой беседы я уже в который раз просил

Президента согласиться с моим переходом на научную работу, поскольку, продолжая линию на налаживание диалога и взаимодействия различных политических сил в парламенте, я, разумеется, не мог отказаться от своих партийных коммунистических позиций, связанных с защитой социалистических устоев общества, с сохранением нашей федерации, с развитием советской реформы демократии.

В тот момент, когда в Москве и Ленинграде возникло движение демократических реформ, руководимое Яковлевым, Шеварднадзе, Собчаком и Поповым, в беседе с президентом мне пришлось напрямую спросить у Горбачева, правда ли, что он собирается примкнуть к этому движению, отойдя от руководства Коммунистической партии. Я сказал президенту: «Если среди приверженцев нашей партии останется, в конце концов, всего один человек, то этим человеком буду я». «Нет, – ответил Президент, – нас будет двое».

Беседа наша продолжалась в тот вечер около двух часов и касалась самых разных трудных вопросов жизни страны, включая и подготовку к июльскому Пленуму ЦК КПСС, на котором, по имевшимся тогда сведениям, могли быть острые выпады против Генерального секретаря. Поэтому я считал, что на Пленуме стоило бы выступить Председателю Верховного Совета СССР, определив свое отношение к с либералам-рыночникам, сохранению Союза и взаимодействию парламента с президентской властью.

* * *

Выступая 26 июля 1991 года на Пленуме ЦК, я особо отметил недопустимость попыток мешать Верховному Совету СССР выполнять свои задачи по стабилизации обстановки в обществе и обеспечению конституционного характера проведения социально-экономических реформ. Одновременно я однозначно высказался против поворота общества к такому строю, где вообще не будет места социалистическим ценностям и общественной собственности, против тенденций к ослаблению социальной защиты трудящихся и прав человека, а также против стремления сепаратистов создать вместо обновленного Союза советских республик рыхлую и беспомощную структуру конфедерации или содружества, которые противоречат самому ходу экономической интеграции, происходящей во всем мире.

Пришлось предостеречь членов ЦК КПСС об имеющейся опасности ослабления позиций Советов и подмены их назначаемыми сверху администраторами. Я прямо сказал, что объявленная в те дни ельцинская программа департизации – это лишь часть общей кампании, направленной, по существу, против Советов, против партии, профсоюзов и других общественных организаций.

Отдельно говорилось тогда и о проблеме отношений президента с его партией и партии с президентом. Выступая на Пленуме, я сказал: «Давайте поставим вопрос честно и прямо: что значит для партии потерять сегодня президента и что значит для президента потерять партию? Учитывая нынешние реалии, глубоко убежден, что для президента Горбачева потерять партию значило бы лишиться самой серьезной опоры в обществе, опоры в массах со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для партии же потерять президента значит утратить ключевую позицию в государственном руководстве, но не только. Это значит, уже сейчас дать возможность оппозиционным, в том числе уже властвующим, силам развернуть не просто травлю, а фактически погром партийных организаций».

Трагично, что это печальное предсказание стало реальностью. Хотя нашлись люди, которые увидели в этом моем выступлении призыв к путчу и замене Генерального секретаря ЦК КПСС. Показательна в этом отношении статья члена ЦК КПСС О. Лациса в «Известиях» от 31 декабря 1991 года. Он писал: «На пленуме открыто началась подготовка к тому, чтобы на предстоявшем в конце года съезде сместить Горбачева, отклонить его реформистскую программу и повернуть перестройку вспять. О подготовке военного переворота боль-

шинство участников пленума, очевидно, не знало, но политический переворот в стиле 1964 года готовили вполне открыто. Самые нетерпеливые уже не хотели ждать декабря, требовали созвать съезд в сентябре. Судя по тому, как принял зал речь Лукьянова, они уже и премника наметили. И Горбачев не в силах был сдерживать волны злобы, непроизвольно прокатывавшейся по залу время от времени, когда звучали, например, требования расправиться с Александром Яковлевым или с ослушниками из независимой компартии Эстонии. Нет, конечно, это давно уже не была единая партия!»

Да, Лацис прав: единство партии было разрушено. Но чьими усилиями? Не самого ли президента и его радикального псевдосоциалистического окружения.

А разрушить партию – значило разрушить всю сложившуюся после Октября советскую политическую систему. И от этого вывода нам уйти просто некуда.

* * *

Вспоминая минувшее, конечно, не могу пройти мимо той роли, какую играли в то переломное время Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР. Именно с этим, как оказалось последним, периодом жизни союзных законодательных органов и была в основном связана моя работа с весны 1989 года.

Сказать об этом необходимо еще и потому, что до сих пор подлинная роль парламента бывшего Союза искажается и, если можно так сказать, намеренно оглупляется нашей прессой, радио и телевидением. Каких только эпитетов не обрушивают они на голову ушедшего с политической сцены союзного парламента. Тут и «неаппетитная каша», и «странный мутант», и «кукольный театр», и «бой цирковых петухов». Бывший депутат И. Заславский договорился до того, что объявил союзный Съезд и Верховный Совет СССР, их депутатский корпус вообще «в большинстве своем состоящим из двурушников, сыгравших колоссальную роль в создании тяжкого положения страны». Они «сначала устраивали „одобрямс“ Горбачеву – Рыжкову, потом Горбачеву – Павлову, потом их собирал Лукьянов, чтобы обеспечить такой же „одобрямс“ и августовскому перевороту, да не успел». «Агрессивно-послушный», «штампующий чуждые народу решения», «прокоммунистический» парламент и так далее и тому подобное.

Со всей ответственностью могу сказать, что все это откровенная и злобная ложь. И хотя, конечно, окончательный диагноз поставит история, последние двадцать пять лет нельзя, невозможно будет ни осмыслить, ни понять без анализа той борьбы, которая шла в Верховном Совете СССР и вокруг него.

Дело в том, что Верховный Совет СССР того периода был, если можно так сказать, рыцарем на распутье, как на распутье стояло тогда и все наше общество. В нем все жарче разгоралась борьба социалистических и антисоциалистических тенденций, федерализма и сепаратизма, дружбы народов и национализма. Народные депутаты, избранные весной 1989 года, принесли эти противоречивые тенденции на свой первый Съезд и в Верховный Совет СССР.

Депутатский корпус стал зеркальным отражением того соотношения политических сил, которое господствовало в то время в советском обществе. Водораздел борьбы между стремлением обновить социалистические устои жизни страны, проводить реформы применительно к возможностям народа, с одной стороны, и попытками внедрить иные, по сути своей капиталистические начала, путем сознательной ломки всего и вся, с другой стороны, проходил буквально по рядам парламента. Но даже в этих условиях в Верховном Совете СССР делалось все возможное, чтобы противостоять таким тенденциям, сохранять стабильность и законность в стране, ее государственное единство (некоторые документы, принятые в этом направлении Верховным Советом, приводятся в Приложении к данной книге).

При этом я, конечно очень далек от какой бы то ни было идеализации работы высших органов власти Союза ССР на последнем этапе их существования. Время было невероятно трудное. Не оправдались многие и многие наши надежды. Масса огрехов было в подготовке законов, в контроле за управленческими структурами, в самой организации работы парламента. Парламент бросало из стороны в сторону. Немало сил ушло на то, чтобы умерить азарт многоговорения, пустых дебатов, усадить в общую лодку и радикалов, и консерваторов, заставить их грести в одном направлении или хотя бы не мешать своими распрями решению острейших вопросов жизни общества.

Все это, конечно же, было. Но можно ли за деревьями не видеть леса, можно ли, как писал однажды Даниил Гранин, «до бесконечности заниматься самоистязанием»? Попробуем все же взглянуть на происходившее тогда по возможности спокойно и без предвзятости.

* * *

Здесь необходимо будет прежде всего сказать, что большинство депутатов, составлявших Съезд народных депутатов и входивших в Верховный Совет СССР, с самого начала достаточно твердо были настроены в пользу решительного реформирования, но ни в коем случае не разрушения того общественного строя, который сложился в нашей стране. Именно под этим углом зрения депутаты подходили к решению сложнейших вопросов, которые стояли в то время перед советским обществом. И можно с уверенностью сказать, что ни один из этих трудных вопросов внешней и внутренней политики не миновал Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР.

Если обратиться к проблемам международного характера, то это было время, когда почти одновременно рухнули социалистические режимы в странах Восточной Европы, когда остро встали задачи концентрации усилий всех народов на преодолении опасности ядерной войны, экологических и других катастроф.

Тут на счету у союзного Съезда и Верховного Совета СССР было немало принципиальных решений. Вывод советских войск из Афганистана, кардинальные меры в области разоружения, преодоление кризиса в Персидском заливе, договоры о Германском урегулировании, ратификация более шестидесяти международных документов, все эти внешнеполитические шаги нашей страны оставили серьезный след в Европе и на плане в целом.

Каждый такой шаг был плодом довольно острых дискуссий и на союзном съезде, и в Верховном Совете СССР. Достаточно вспомнить, как жестко шло обсуждение вопросов оценки пакта «Молотов – Риббентроп» или скажем, ратификации соглашений о выводе советских войск с территории Германии. Прошли времена единодушных голосований. Критика и слева, и справа сгущалась над головами ранее неприкасаемых внешнеполитических ведомств. Депутаты требовали объяснений Президента СССР о целях его поездок на Мальту и в Рейкьявик, во Францию, Японию, на совещание «семерки», добивались ежедневной информации о ходе военных действий в Кувейте и Ираке, все придирчивее спрашивали, как используются бюджетные средства, идущие на помощь иностранным государствам.

Дело, как известно, дошло до того, что Верховный Совет не утвердил назначение главы министерства внешнеэкономических связей и принял вызов Шеварднадзе, демонстративно заявившего о своей отставке. Правда, последний не удержался и попытался объяснить свой демарш происками Председателя Верховного Совета СССР. Я и депутатская группа «Союз» были обвинены бывшим главой МИДа, в частности, в умышленной затяжке обсуждения вопроса о денонсации Договора с ГДР, хотя в действительности этот вопрос был рассмотрен Верховным Советом немедленно после получения соответствующих документов из президентского аппарата. Здесь была «чья-то режиссура – крепкая, стальная, политармейская», – сетовал Шеварднадзе, так и не понявший до конца сути борьбы, которая шла в парламенте

(см. Э. Шеварднадзе. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., «Новости», 1991). К тому же он никак не смог осмыслить, почему парламент довольно прохладно отнесся к сообщению о присуждении Горбачеву Нобелевской премии мира. Ведь Президент вроде бы даже сказал, что эту премию он разделяет с Шеварднадзе. Этот жрец «морали во внешней политике» не удержался и от того, чтобы не возмутиться поведением самого Президента, якобы не защитившего его от нападков Съезда народных депутатов СССР и определившего заявление своего давнего единомышленника как «политический спектакль».

* * *

Но внешняя политика была лишь одной, скажем прямо не самой главной, частью той работы, которую вел Верховный Совет СССР в последние два года. Главным полем сосредоточения сил союзного парламента оставалось, несомненно, решение вопросов проведения экономической реформы, перехода к регулируемым государством рыночным отношениям, создания обновленного хозяйственного механизма. Это потребовало в сравнительно короткий срок принятия целого блока новых законов: основ законодательства о земле, об аренде, законов о собственности, о предприятиях, о кооперации, об общих началах предпринимательской деятельности, об основных началах разгосударствления, об основах антимонопольного законодательства, об инвестициях и валютном регулировании, о таможенном деле и другие. Среди этих актов следует отдельно отметить принятые в середине 1991 года Основы гражданского законодательства, которые депутаты не без гордости называли «Хартией рыночной экономики».

На глазах у своей страны, в горячих схватках радикалов и консерваторов шло обсуждение не только важнейших законопроектов, но и долгосрочных программ стабилизации экономики и реформирования народного хозяйства.

И надо отдать должное политическому чутью союзных депутатов. Связанные со своими избирателями, остро ощущающие нарастание кризиса и разрушение хозяйственных связей, они делали все возможное для того, чтобы перестройка не ударила по простому человеку, не сказалась столь губительно на каждой трудовой семье. В подавляющем своем большинстве депутаты хорошо понимали необходимость изменений, утверждения разнообразных форм собственности, преодоления уравниловки и голого администрирования. Но не менее твердо они стояли за то, чтобы программы построения обновленной экономики не обернулись массовым обнищанием народа и обогащением кучки новоявленных бизнесменов. Достаточно взять парламентские стенограммы того времени, чтобы увидеть насколько пророческими оказались выступления многих депутатов, довольно далеких от каких бы то ни было политических пристрастий.

Верховный Совет СССР, по сути дела, оставался последним редутом, отстаивавшим реализм в экономической политике, недопустимость крутой ломки общественного организма в угоду политическим амбициям и схемам, навязываемым социалистической экономике. Это буквально бесило сторонников быстрой капитализации страны. И, скажу прямо, быть арбитром на этом политическом ринге иногда было просто невыносимо.

Особенно острая и жесткая борьба шла в союзном парламенте при разработке мер социальной защиты населения, удовлетворения самых насущных потребностей человека, охраны его прав. Напомню некоторые из законов и решений Верховного Совета СССР по этим вопросам, на которые особенно остро реагировали миллионы людей. Это законы о пенсиях граждан и военнослужащих, об изменениях в законодательстве о труде, о порядке разрешения индивидуальных трудовых споров, об общих началах государственной молодежной политики, о защите прав потребителей, об индексации доходов населения, о помощи инвалидам и жертвам Чернобыля. Не говоря уже о том, сколько времени и сил было отдано

разработке нормативных актов, гарантирующих политические права человека. Среди них – законы о гражданстве, о недопустимости ограничения национальных прав людей, о печати, об общественных объединениях, о правах профсоюзов, о свободе совести, о въезде и выезде из страны.

Перелистывая сегодня стенограммы Верховного Совета СССР, не устаешь удивляться выдержке и напору депутатов, их стремлению защитить честного труженика от произвола нарождающегося клана предпринимателей. В этом сказывался сам социальный состав Верховного Совета СССР, наличие в нем людей, пришедших с заводов и фабрик, из сельского хозяйства и сферы обслуживания. И здесь слово рабочего П. П. Кустарева или экскаваторщика Т. К. Пупкевича, токаря А. М. Крышкина или колхозницы О. П. Яровой, шахтера А. Л. Царевского или текстильщицы Л. В. Афанасьевой, бульдозериста И. А. Ждакаева, или учительницы И. А. Крюченковой было, что называется, «томов премногих тяжелей».

* * *

Да, говорят критики бывшего союзного парламента, законов было принято в то время много. Но ведь все они шли вхолостую, иногда не работали ни одного часа. Этот тезис до сих пор не сходит со страниц наших далеко не беспристрастных газет. Но так ли это? Ведь если присмотреться попристальнее, то нельзя будет не признать, что немало союзных законов работало и работало на полную мощность. Разве не действовали, скажем, законы о предприятиях и о кооперации? Разве не работали законодательные акты, касающиеся профсоюзов, общественных организаций, религиозных общин, помощи пенсионерам и инвалидам? Работали, конечно, подкреплялись ассигнованиями, помогали людям. Но кое-кому из наших «либерал-демократов» и по сей день до этого нет никакого дела. Их газеты продолжают по инерции твердить свое, не забывая при этом пользоваться принятым тогда законом о печати, и старательно обходя его при наступлении на действительно демократические народные газеты.

Вместе с тем, правда и то, что немало союзных законов требовали создания гораздо более надежного механизма их проведения в жизнь. Многие из них должны были конкретизироваться в республиканском законодательстве. Например, на базе союзных Основ земельного законодательства было разработано и принято около тридцати республиканских законов. Но так было далеко не везде. К тому времени начала тлеть, а потом разгоралась все жарче и жарче пресловутая «война законов», фактически парализовавшая правопорядок в стране. Повинны здесь были и Союз, и республики. Казалось, всем была ясна пагубность такой войны, но война эта не утихала, а наоборот, дополнялась войной бюджетов, банков, прокуратур и, особенно, президентских амбиций, буквально с каждым днем все слабее становилась система органов, ответственных за исполнение законов. Иногда казалось, что страна мчится под уклон на автомашине, в которой вообще не работает сцепление. Все это было причинами того зияющего кризиса законности, в который мы незаметно вползли и уже не смогли из него выбраться.

* * *

Отдельно надо сказать о том, как складывались отношения Верховного Совета СССР с правительством и другими органами управления. Ведь, откровенно говоря, классического разделения властей у нас в те годы не было, да и вообще, вряд ли оно могло быть в стране, где прочно укоренились традиции объединения в Советах и законотворчества, и исполнения законов, и направления работы нижестоящих органов власти. В то же время распорядительная деятельность Верховного Совета СССР, который нередко брался за рассмотрение управ-

ленческих вопросов, не могла и не должна была заменять работу правительства по руководству народным хозяйством и другими сферами жизни страны. С учетом этого и строились наши отношения с председателем Совета Министров, его заместителями и министрами. И хотя руководящие деятели правительства нередко жаловались на то, что они вынуждены слишком много времени проводить в парламенте, Николай Иванович Рыжков и я в целом хорошо понимали друг друга.

Опытный производственник, пришедший с «Уралмаша» и вкушивший все сложности госплановской, а затем и цековской работы, Н. И. Рыжков разбирался в вопросах экономики. Конечно, он не мог сравниться с Косыгиным, который был в буквальном смысле энциклопедией решения хозяйственных проблем, но и вопросы, обрушившиеся на Рыжкова, оказались не менее, а наверняка более тяжелыми, чем те, что стояли перед Косыгиным. Там была в общем-то накатанная дорога централизованных партийно-государственных методов управления. Здесь же предстояло вступить на совершенно неизведанный путь создания новых механизмов, самонастраивающейся хозяйственной системы при разумном государственном регулировании.

Судьба свела нас с Николаем Ивановичем Рыжковым в начале 1983 года, вскоре после того, как по предложению Ю. В. Андропова Рыжков стал секретарем ЦК КПСС. Юрий Владимирович довольно часто, минуя Черненко и Боголюбова, поручал мне подойти к Рыжкову в связи с юридическим оформлением тех или иных экономических решений. В то время по заданию Андропова именно Н. И. Рыжков, В. И. Долгих и М. С. Горбачев вплотную занимались в ЦК КПСС анализом экономического положения страны, поскольку опираться на заскорузлый правительственный аппарат, возглавлявшийся тогда И. А. Тихоновым, в этом деле было довольно трудно.

Николай Иванович Рыжков – человек конкретного мышления. На любую сложную экономическую проблему он смотрел как бы снизу – через призму крупного предприятия. Но чем дальше вникал в общие вопросы экономики этот в целом сдержанный и немногословный и проницательный человек, тем более точными становились его оценки. Назначенный в 1985 году главой правительства, Рыжков довольно быстро подобрал себе помощников, хорошо владеющих экономическим анализом. Его альянс с академиком Л. И. Абалкиным, рядом других экономистов и хозяйственников стал постепенно выдавать на-гора все более весомые народно-хозяйственные решения. И сколько бы ни силились нынешние «про-рабы капитализма» присвоить себе идеи перехода к рынку, на общегосударственном уровне именно Рыжкову принадлежало первое слово во внедрении регулируемых государством рыночных отношений, конкуренции и борьбы против монополизма.

Конечно, программа, представлявшаяся Рыжковым, была достаточно умеренной. Она исходила из того, что вступление в рынок может быть только постепенным. Нельзя было не видеть, что в стране еще не было инфраструктуры рынка. Постоянно давала себя знать огромная сила привычки к плановому распределению ресурсов и централизованному управлению, глубоко укоренившаяся психология потребительства и уравнительности. Выработанные правительством Н. И. Рыжкова в мае 1990 года меры по переходу к рынку, включающие реформирование цен и в том числе повышение цен на хлеб, вызвали бурю в Верховном Совете. Даже эти умеренно-радикальные шаги не были сразу поняты многими депутатами, насквозь пропитанными популистскими настроениями безоглядной защиты интересов своих избирателей. Либеральный же блок и в первую очередь Межрегиональная депутатская группа воспользовалась этой программой для того, чтобы дискредитировать и свалить только что образованное правительство. Поднимается невероятный шум о «наступлении на интересы народа», о «шоке без терапии» и т. д. После острейшей дискуссии правительству было поручено, к сентябрю 1990 года, представить доработанный комплексный план пере-

стройки экономического механизма на основе внедрения рыночных отношений и всемерной защиты населения от неизбежных трудностей переходного периода.

* * *

Став в марте 1990 года президентом страны, Горбачев уже в скором времени начал пробовать себя в роли арбитра между правительством и Верховным Советом. При этом он умело играл на естественно возникающей напряженности между законодательной и исполнительной властью, поддерживая то ту, то другую сторону. К счастью мы с Николаем Ивановичем Рыжковым хорошо это видели и понимали. В конце мая 1990 г. на образованном тогда Президентском совете СССР, в заседаниях которого мне приходилось участвовать, группа ученых во главе с С. С. Шаталиным дает бой экономической программе правительства. Дело доходит до прямых оскорблений взрывным и самоуверенным Шаталиным обычно выдержанного и спокойного Ю. Д. Маслюкова. Усилиями Е. М. Примакова из сообщения о заседании Президентского совета было снято упоминание об одобрении правительственной программы.

В конце июля Горбачев получает через своего помощника Петракова письмо Григория Явлинского, в котором тот предлагал разработать новую правительственную программу экономических реформ, которая, как теперь стало известно, была разработана так называемой Гарвардской школой в Соединенных Штатах. Вопрос о поддержке этой программы перехода к рынку был согласован Горбачевым с Ельциным и Силаевым. Скрепя сердце, с этим предложением вынужден был согласиться Н. И. Рыжков.

Опираясь на это согласие, Горбачев поручил Шаталину, Явлинскому, Петракову, Абалкину и ряду других ученых-экономистов подготовить соответствующий документ, получивший затем название «программы 500 дней». Суть этой программы выработанной коллективом экономистов, ориентировавшихся на рекомендации Международного валютного фонда и Гарвардской экономической школы, сводилась к безоговорочной либерализации цен, установлению экономического союза республик и в целом к отказу от существующей социалистической модели. С. С. Шаталин не скрывал этого. Он с гордостью заявлял, что и американской профессуре, и американским бизнесменам, и американскому правительству «500 дней» понравились. Хозяева Америки увидели в ней желанную попытку «построить реальную рыночную экономику, новую социально-экономическую и политическую систему».

Естественно, что для союзного правительства такой подход был неприемлем. Оно предлагало гораздо более централизованное, регулируемое государством раскрепощение цен, постепенное разгосударствление предприятий, составляющих экономический костяк советской экономики. Вот почему в начале сентября 1990 года в Верховный Совет СССР были представлены два проекта экономических реформ – правительственный, подготовленный во исполнение поручения парламента, и «проект Шаталина – Явлинского», которому так или иначе симпатизировал Горбачев и который авторы пытались выдать за президентский проект.

Однако Верховный Совет очень быстро распознал в этом недоброе. Уже первые ответы Шаталина на вопросы депутатов показали, что за принятием его программы неизбежно последуют гиперинфляция, падение жизненного уровня основной части населения, а, главное, развал Союза. Совершенно неудовлетворительными были признаны разделы программы, посвященные аграрному сектору, конверсии оборонного производства, социальной защиты трудящихся.

Но отпор большинства союзных депутатов только подогрел либералов-рыночников. В начале октября в пике союзному парламенту Верховный Совет России по предложению

Ельцина практически без обсуждения принимает «программу 500 дней», хотя в других республиках эта программа поддержки не получила.

Полемика в Верховном Совете СССР раскалилась докрасна. Нужен был какой-то выход. В двадцатых числах октября перед заключительным голосованием Горбачев, Рыжков, Шаталин и я еще и еще раз прошли подготовленный проект постановления Верховного Совета, содержащий поручение выработать уточненную программу на базе «президентского» и правительственных проектов. Не хочется передавать, какие выражения применялись на этой встрече и как явственно тогда проступила неприязнь между президентом и главой правительства. Попытки снизить накал этих взаимных атак стоили мне ударов от обеих спорящих сторон.

Верховный совет СССР в конечном итоге поддержал этот компромиссный вариант постановления, в соответствии с которым впоследствии были подготовлены, а затем одобрены основные направления экономической реформы для Союза ССР и республик.

Но кризис продолжался нарастать. Огонь всех своих пушек либерал-демократы и лично Ельцин сосредоточили на Н. И. Рыжкове. Лозунг отставки правительства стал основным лозунгом митингов и забастовок. Рыжков стойко переносил эти удары, но в его речах в парламенте, в еженедельных выступлениях по телевидению все более слышалось справедливое недовольство отсутствием президентской поддержки, несогласие со «слишком гибкой» политикой Горбачева. В свою очередь, президент не раз говорил, что в политике Рыжкова, в его выступлениях он видит слишком много конфронтационных моментов. Находя пути соглашения со своими открытыми противниками, Горбачев не хотел и не умел поддерживать согласие с теми, кто его поддерживал.

* * *

В те дни у нас состоялся резкий и откровенный разговор о будущем. Я сказал Горбачеву: «Если сейчас под давлением оппозиции допустить смещение Рыжкова, то это будет только началом цепной реакции. Следующий удар либералы сосредоточат на Съезде народных депутатов и союзном парламенте. По главная цель так или иначе все равно будет состоять в том, чтобы убрать президента, который без поддержки Съезда и Верховного Совета не продержится и трех месяцев. Поймите, сказал я, сегодня Рыжков, завтра – председатель парламента, послезавтра – президент. Но дело не в личностях. Сегодня это раскачка союзных структур, завтра их разрушение, а послезавтра – гибель Союза!».

Однако Горбачев оказался глух к этим соображениям. Он избирает свой путь. Для того чтобы освободиться от Н. И. Рыжкова, он решает преобразовать Совет Министров СССР в Кабинет министров, работающий под непосредственным руководством президента. Для того чтобы убрать неуютное лицо, ликвидируется орган, который это лицо возглавляет. Горбачев просто элементарно не просчитал, что в конце этой цепи разрушений союзных структур рано или поздно будет он сам.

О желании заменить Совет Министров Кабинетом Горбачев сказал мне по телефону вечером 16 ноября 1990 года, а Николай Иванович узнал об этом буквально за час до внесения вопроса на рассмотрение Верховного Совета СССР.

Здесь уже скрывать было нечего. Выступая на сессии, а потом на IV Съезде народных депутатов, Рыжков дает откровенную оценку всем этим шагам президента. Но нервы Николая Ивановича были напряжены до предела. Утром 25 декабря 1990 года мы узнали, что за несколько часов до открытия очередного заседания Съезда Рыжков был увезен в больницу с тяжелейшим инфарктом. То, что не решились политические игры, решила болезнь. Рассказываю об этом столь подробно лишь потому, что все последующие события, к сожалению, с

точностью до месяца подтвердили мой начальный прогноз. Цепь роковых шагов М. С. Горбачева была запрограммирована.

* * *

Между тем все больше нарастала и борьба против союзного парламента. В начале 1991 года жесткость критики Верховного Совета СССР достигает огромной силы. Теперь уже она сопровождается и требованиями отставки союзного президента. С таким требованием 19 февраля 1991 года выступил по телевидению Ельцин. В связи с этим Верховный Совет СССР вынужден был на следующий день принять постановление, в котором выступление председателя Верховного Совета России было расценено как открытый призыв к замене законно избранных высших органов власти СССР, противоречащий Конституции и создающий чрезвычайную ситуацию в стране.

Тут же в газетах появились открытые заявления о том, что с таким парламентом и его руководителем вообще невозможно решить задачи «денационализации» и «десоветизации», которые были объявлены главными целями «демократической оппозиции». Само собой разумеется, это не могло не вызвать встречной волны со стороны патриотически настроенных сил. Они требовали наведения жесткого порядка, восстановления уважения к Конституции СССР и союзным органам, принятия решительных мер для обуздания разгула демократии.

В такой обстановке хрупкого равновесия противостоящих политических сил позиции руководства Верховного Совета СССР, его Президиума находились как бы под двойным обстрелом – «слева» и «справа». Все труднее было удерживать баланс, договариваться с фракциями, представителями различных движений. Но нагнетание страстей продолжалось. Оно отражалось в печати, в острых парламентских дискуссиях, выступлениях политиков. Многие из них открыто стремились столкнуть президента страны с Верховным Советом СССР и его председателем.

В таком противопоставлении позиций и подогревании отношений между президентом и руководством парламента немало преуспело и президентское окружение. Думаю, что именно ему принадлежала идея выдвинуть неподатливого спикера на другую должность и таким образом сделать парламента более сговорчивым и послушным.

В моем календарном дневнике сохранилась запись за 26 апреля 1991 года: «В 12.00 совещание у Горбачева в „Ореховой комнате“ (Янаев, Шенин, Болдин, Догужиев и др.) Предложение о выдвижении моей кандидатуры в президенты РСФСР и мой решительный отказ... 1830 – снова у Горбачева. Разговор о попытках вбить клинья между президентом и В.С. Я уйду сам». Короткая эта запись напоминает о многом. Тогда Горбачев при поддержке Болдина и других участников совещания в преддверии выборов первого президента России попытался «нажать» на меня с тем, чтобы я дал согласие на выдвижение своей кандидатуры. Я ответил твердым отказом. Понимая, что речь идет прежде всего о том, чтобы вытеснить меня из союзного парламента, вечером я снова зашел к президенту. Разговор был прямой. Я сказал: «Не надо искать поводов. Эти игры не по мне. Я уйду из Верховного Совета сам, уйду с великим удовольствием потому, что так работать просто невозможно». Более того, выступая на следующий день в телепрограмме «Кто есть кто», я уже на всю страну заявил, что ни в коем случае не собираюсь выдвигаться на выборах и вообще моя давняя мечта – вернуться на научную работу.

Однако разговоры о противостоянии президенту и спикера не утихали. Они стали проникать в парламента. И снова критика шла с двух сторон. В Верховном Совете председателю ставилось в вину то, что он «растворился в политике президента» и плохо защищает интересы парламента. В свою очередь, люди из президентского окружения, наоборот, считали,

что руководитель союзного парламента все дальше отходит от поддержки президента и даже готов «в конституционных формах вообще выступить против президента». Подобное сообщение со ссылкой на одного не назвавшего себя сотрудника президентского аппарата поместила американская газета «Бостон глоб» 1 июня 1991 года.

Поскольку в этом заявлении анонимного деятеля речь шла уже не просто о разнице во мнениях, а о противопоставлении главы государства и руководителя парламента, я вынужден был пойти еще на один разговор с Горбачевым. Показав ему сообщение американской газеты, я сказал, что чувствую, как вокруг меня сгущаются тучи недоброжелательства и в парламенте, и в самом окружении президента. Я снова просил дать согласие на свой уход из Верховного Совета СССР. Президент ответил, что видел американскую публикацию и считает, что на нее не следует обращать внимание.

Но попытки прессы, оппозиционных и других сил углубить отчужденность между парламентом и президентской властью не прекращались. Это послужило поводом для еще одного разговора с президентом в начале июля 1991 года. Теперь я гораздо более решительно настаивал на своем переходе на другую работу, поскольку, добиваясь взаимодействия различных политических сил в парламенте, я в то же время не мог отказаться от своих партийных взглядов и своего понимания роли Верховного Совета СССР и в целом Советов как органов, направляющих и контролирующих все сферы общественной жизни. Никакого вразумительного ответа я тогда снова не получил. Президент, как всегда, от него уклонился.

На деле же речь шла о принципиальнейшем вопросе. Он состоял в том, каким государством является Советский Союз – парламентской или президентской республикой, удовлетворяют ли Советы, как представительные органы власти реальностям нынешней эпохи.

Насколько я понимал позицию большинства союзных депутатов, они прочно стояли за парламентскую республику советского типа с сильной, но хорошо контролируемой исполнительной властью. Поэтому вплоть до самого своего отпуска после августовских событий Верховный Совет СССР оставался последним на союзном уровне защитником полномочия Советов, развития именно советских, а не привносимых извне, форм осуществления государственной власти.

* * *

Однако нам усиленно старались навязать президентскую форму правления, поставить исполнительную власть над законодательной. Президент получил право законодательной инициативы и право «вето», которое могло быть преодолено двумя третями голосов депутатов Верховного Совета СССР. За президентом было закреплено командование Вооруженными Силами, координация деятельности государственных органов по обеспечению обороны страны, объявление чрезвычайного и военного положения. Но даже эти достаточно большие полномочия, закрепленные за главой государства, и избрание его Съездом народных депутатов не гарантировали от возникновения острых конфликтов между президентом и советским парламентом по поводу дальнейшего развития страны.

Все эти вопросы мне пришлось остро поставить на июльском (1991 г.) Пленуме ЦК КПСС назвав все своими именами. Я тогда прямо сказал, что мы подошли к водоразделу, когда каждый должен определиться: идем ли мы к социализму, либо приоритетом является частная собственность, каким должен быть переход к рынку – стихийным или управляемым, какой мы видим нашу страну в будущем – союзным государством или аморфной конфедерацией с разными законами, банками, таможенными и тысячами беженцев. Наконец пришлось сказать, что превращение М. Горбачева в президента привело ко все более жесткому противостоянию его с Верховным Советом СССР. Тем более, что к этому времени и президент-

ская вертикаль, и Верховный Совет СССР уже оказались перед лицом реального разрушения советского союзного государства.

Несмотря на все усилия союзного центра в течение 1988 и 1989 гг. три союзные республики (Эстония, Латвия и Азербайджан) заявили о своей независимости, а Литва вообще объявила о незаконности своего вхождения в СССР в 1940 году.

Летом 1990 года разгорелся разрушительный процесс, который пресса назвала «парадом суверенитетов». Начало этого процесса положила Россия, когда на первом Съезде народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года была принята «Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации». Эта Декларация установила верховенство Конституции и законов РСФСР на всей территории России, указав, что «действие законов СССР, вступающих в противоречие с суверенными правами Российской Федерации, приостанавливается республикой на своей территории».

Прошло некоторое время, и многие депутаты российского парламента вынуждены были признать, что именно с принятия этой «Декларации» началось ускоренное разрушение союзного государства в политическом, экономическом и военном отношении. «Первый шаг в этом направлении, – заявляли депутаты, – сделали мы сами на первом Съезде, из благих побуждений приняв решение о государственном суверенитете Российской Федерации... Виноваты мы все. И те наши руководители, которые борьбу против недостатков, а также конкретных политиков, находящихся у власти в Союзе, превратили в борьбу против государства и основ этого государства» (см. «Советскую Россию» от 11 апреля 1992 года).

Так самой большой и мощной республикой страны безответственно был брошен вызов Союзу ССР. За ним последовали декларации о суверенитете Узбекистана, Молдовы, Украины, Белоруссии, Туркмении, Армении, Таджикистана, а затем и автономных республик. Началась война суверенитетов, законов и бюджетов, противостояние президентов, правительств и министерств Союза и республик. Верховный Совет СССР был вынужден ответить на эту войну принятием законов, регулирующих ряд наиболее существенных вопросов национально-государственного строительства. В их числе были законы: «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации», «Об ответственности за посягательство на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР», «О языках народов СССР», «О порядке решения вопросов, связанных с выходом республик из состава Союза», «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик». Начались консультации по выработке первых вариантов нового Союзного договора.

Но силы, противостоящие центру, на этом не успокоились. Ельцин даже подписал указ об уголовном наказании для граждан и должностных лиц, посмеявших исполнять союзные законы, не ратифицированные Россией. Так впервые в истории уголовное наказание было установлено не за нарушение, а за соблюдение законов.

Однако М. Горбачев продолжал политику компромиссов и уступок. На закрытой встрече с Б. Ельциным и Н. Назарбаевым 30 июля 1991 года он сдал последние позиции Союза, согласившись на одноканальную систему налогообложения и на подписание Союзного (точнее конфедеративного) договора фактически без участия представителей Верховного Совета СССР, как это было предусмотрено в решении Союзного парламента от 12 июля 1991 года, что означало в целом полное игнорирование парламента страны и воли народов СССР.

Вся эта ситуация, содержащая реальную угрозу распада Советского Союза вопреки решению всенародного референдума, и стала главной причиной создания ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению), который был образован группой руководителей страны во главе с вице-президентом Г. Янаевым и премьер-министром В. Павловым.

Часть 2. АВГУСТ 91-го. «ПУТЧ» В ЗАЩИТУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Начиная разговор об августовских событиях 1991 года, прежде всего следует отметить, что у ГКЧП были правовые предпосылки. Фактически Комитет по чрезвычайному положению под руководством Янаева был создан самим Горбачевым еще 28 марта 1991 года. Вспоминая об этом, бывший первый секретарь Московского горкома КПСС Ю. Прокофьев пишет, что на совещании, проходившем в так называемой Ореховой комнате в Кремле, президент впервые высказал мысль о введении чрезвычайного положения в стране. «На этом совещании Горбачев создал комиссию под руководством Геннадия Ивановича Янаева. В комиссию входили все будущие члены ГКЧП, за исключением двух человек – Тизякова и Стародубцева. Это были Янаев, Язов, Крючков, Пуго, Павлов, Шенин и Болдин. Мы по поручению Горбачева после совещания перешли в кабинет Янаева и там договорились, что сотрудники Крючкова (председателя КГБ), Пуго (руководителя МВД) и Болдина (руководителя аппарата президента) проработают формы введения чрезвычайного положения в стране... Собиралась эта комиссия дважды – у Янаева и Язова. В принципе предложения о том, что вводить чрезвычайное положение в стране с учетом существующей Конституции, с учетом международной практики законов, были проработаны. Группа генералов и офицеров Крючкова из идеологических подразделений даже готовила воззвание к народу, которое в августе было озвучено. Когда проходило совещание у Язова (в Министерстве обороны), возник острый вопрос: Горбачев может вести дело по принципу „вперед-назад“, потом остановиться. Кто-то сказал, что тогда придется Янаеву брать руководство страной в свои руки».

О ГКЧП или так называемом августовском «путче», «заговоре» или даже «перевороте», который продолжался всего 72 часа, писалось и до сих пор пишется очень много. Состоялся суд над его участниками. Он признал, что никакого заточения Горбачева на даче в Форосе не было и что у него имелась полная возможность приехать в Москву, чтобы не допустить так называемого путча. Но не таков был Горбачев. Как заметил один из депутатов Тельман Гдлян, Горбачев неплохо обсчитал сложившуюся ситуацию: если побеждает ГКЧП, президент возвращается в Кремль на «красном коне» и использует плоды победы, если ГКЧП терпит поражение, то, покончив с «путчистами», президент опять же въезжает в Кремль, только теперь на «белом коне», поддержанный Ельциным и «революционными демократами».

Однако ирония судьбы состояла в том, что и «белый конь», и поддержка либерал-демократов оказались для Горбачева горькой иллюзией. Ловкий политический канатоходец просто не учел, что конец каната, на котором он балансировал, уже давно находился в руках тех, кто вообще не желал видеть его на посту главы государства. Г. Бурбулис откровенно говорил, что «для руководящего эшелона российских лидеров, поднятого августовской революцией к власти, искусственность и временность союза с Горбачевым была очевидна с самого начала».

* * *

Август 91-го был лишь эпизодом, важным, существенным, но все же эпизодом в общей канве тех событий, которые развернулись в нашей стране в конце 80-х годов. Только в этом контексте и может быть правильно найдено подлинное место того, что произошло в августе 1991 года.

Начался этот процесс, на мой взгляд, еще за два с лишним года до апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, когда Ю. Андропов пришел к выводу о необходимости разработать программу перестройки управления промышленностью, а затем и всем народным хозяйством. Тогда к этой работе (а она проходила у меня на глазах) были привлечены М. Горбачев, Н. Рыжков, В. Долгих, ряд видных представителей науки, производства. Это только потому усилия, предпринимаемые в этом направлении, получают звонкое название «перестройки», потом будет заявлено, что «перестраиваться» должно все общество, каждый коллектив и каждый человек.

Важно здесь другое – с самого начала, и в 1985 году, и три года спустя, это задача означала радикальный сдвиг не за пределами социалистической общественной системы, а в ее рамках. Только так и никак иначе.

Но выдвинутая Коммунистической партией идея о социалистическом характере преобразований начинает постепенно размываться. Все глуше и невнятнее говорит о ней генеральный секретарь ЦК КПСС. Все более властно и угрожающе звучат призывы радикальных «демократов» идти дальше – покончить с «изжившим себя социализмом», объявить главным приоритетом частную собственность и частное предпринимательство, создать в стране парламентскую и муниципальную системы западного образца, вытравить из сознания народа коллективистскую идеологию и, в целом, «вернуться на дорогу мировой цивилизации».

Как уже говорилось, к началу 1991 года борьба между этими двумя тенденциями, поляризация партий, общественных движений, значительных групп населения достигла предельного накала. Нажим сторонников капитализации общества, именовавших себя демократами и поборниками различных народных фронтов, нарастал с каждым днем. Перед лицом слабо организованной, отвыкшей от серьезной политической борьбы и разрушаемой реформизмом своих лидеров Коммунистической партии сколачивался разнородный, но мощный блок общественных сил, которых объединило одно – неприятие социализма и коммунистов. Под давлением этого блока, спекулировавшего на реальном недовольстве населения и густо сдобренного национализмом, началось постепенное, а затем все более быстрое отступление сторонников социализма и Советской власти, защитников единства Советской федерации, людей, приверженных тому конституционному строю, который существовал в нашей стране.

* * *

Пик этой конфронтации пришелся на конец лета – начало осени 1991 года, и нужен был только повод, только хлопок стартового пистолета, чтобы праворадикальные силы, именующие себя демократами, воспользовались этим и ринулись в бой. Таким поводом и стали события 19–21 августа.

Как известно, в те дни, пытаясь спасти социалистическую ориентацию общества, защитить Конституцию СССР, сохранить Советский Союз от развала и остановить скатывание страны в еще более глубокий кризис, наиболее близкие сподвижники союзного президента, собравшись на одном из загородных объектов КГБ, обсудили сложившуюся ситуацию в связи с намечавшимся на 20 августа подписанием Союзного – а фактически конфедеративного – договора, решили направить к президенту делегацию. Приехав в Крым, эти товарищи (Бакланов, Шенин, Болдин и Варенников) предложили Горбачеву немедленно ввести в отдельных местностях страны чрезвычайное положение, о котором до этого уже велась речь. Каким был разговор с президентом во второй половине дня 18 августа, мне трудно сказать определенно. Горбачев утверждает, что в случае отказа от чрезвычайных мер ему предлагалось уйти в отставку. Те же, кто был у него тогда, категорически это отрицают, заявляя, что разговор носил товарищеский, доверительный характер и Горбачев, прощаясь, пожал

каждому руку. Но так или иначе – предложение о чрезвычайных мерах президентом принято не было. Однако, отвергнув его, президент, как уже упоминалось, и пальцем не пошевелил, чтобы удержать тех, кто выступал за введение чрезвычайного положения. Оставшись на своей форосской даче, он своим бездействием лишь стимулировал введение этих чрезвычайных мер.

Так начались три августовских дня, связанные с созданием не предусмотренного Конституцией СССР Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), с ничем не дающим стоянием танков в Москве, объявлением здесь комендантского часа и с заявлением о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях страны, которое, кроме Москвы, так больше нигде и не было введено. ГКЧП провел три заседания, принял четыре взбудораживших общество, но так и не выполненных документа, а затем был распущен указом вице-президента страны. Утром 21 августа войска из столицы выводятся, особые меры отменяются, а возвратившийся затем в Кремль президент СССР санкционирует арест членов ГКЧП.

Странный «переворот», не правда ли?

Ну, на самом деле, можно ли считать «заговором» акцию, организаторы которой заранее ставят о ней в известность президента, а тот не предпринимает ни одного шага, чтобы ей воспрепятствовать?

Возможен ли «путч» или «мятеж» при сохранении всех существующих высших и местных органов власти, управления, правосудия и при оставлении за ними всех их полномочий?

Наконец, что это за «государственный переворот», который направлен на защиту, а не на свержение конституционного строя, на укрепление законной власти, на сохранение целостности государства? Знает ли современная история еще один такой «государственный переворот»? Думаю, что нет...

* * *

Но все дело в том, что это была только увертюра, первые аккорды той трагической оперы, которая последовала за 21 августа. Не обращая никакого внимания на действующую Конституцию и законы СССР, под предлогом якобы имевшей место поддержки коммунистами «путчистских заговорщиков» указами президента России запрещаются КПСС, КП РСФСР и их органы, конфискуется их собственность, закрываются многие газеты, распускаются союзный Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР, в довершение всего 8 декабря 1991 г. главы трех республик, встретившись в Беловежской пуще, ликвидируют и само союзное государство, должность союзного президента. Тут уж нет и тени заботы о законности. Переворот как переворот! «Когда мятеж кончается удачей, тогда он называется иначе». Он звонко именуется «победой демократических сил», отмечается манифестациями и фейерверками.

Такова горькая реальность подлинного не августовского, а именно августовско-декабрьского переворота, связанного с переводом страны на рельсы капитализма. И чем дальше мы будем катиться по этим рельсам, тем более отчетливо будет понимать все это общество, каждая семья, каждый нормально мыслящий человек.

Теперь, прочитав более 35 тыс. страниц уголовного дела об августовских событиях, я с еще большей убежденностью могу подтвердить, что это был не «государственный переворот», не «заговор», а отчаянная попытка спасти закрепленный Конституцией СССР общественный строй. Это был не уместяющийся в рамки закона ответ на другой, исподволь готовившийся действительный и грозный переворот, состоящий в переводе страны в капиталистическое русло и разрушении советской федерации, многие десятилетия объединявшей народы Советского Союза.

Хочу подчеркнуть особо. Не свертывание реформ, не возвращение к тоталитаризму, не огосударствление всего и вся. Нет, речи об этом не шло, хотя именно так пытаются изобразить «зловещие планы путчистов» многие теле-, радио- и газетные оракулы. Спасти социалистическую ориентацию развития общества, сохранить Союз, не допустить скатывание страны в пучину еще более глубокого кризиса – вот что вытекает из документов ГКЧП, когда их читаешь спокойно и непредвзято.

И примечательно, что наконец даже кое-кто из лидеров «демократов» стал признавать теперь, что «организаторы путча – это люди идеи», что «они думали об интересах страны в своем коммунистическом понимании», а не преследовали какие-то корыстные интересы или цели захвата власти. Ведь практически все рычаги этой власти были у них в руках, захватывать ее было незачем. Они стремились защитить ту власть, которая была закреплена в Конституции СССР. В этой ситуации кричать, что «путчисты» нарушили Конституцию и законы (а такие нарушения имели место), и в то же время помалкивать о том, как в результате подлинного переворота эта Конституция вообще была разорвана в клочья, был разрушен основанный на ней конституционный строй, по-моему, просто смехотворно, а точнее, кощунственно.

* * *

Теперь многие утверждают, что этот так называемый «путч» был вообще кем-то заранее спланирован внутри страны и за рубежом, чтобы потом все преступления свалить на КПСС, на рядовых коммунистов, мешавших и мешающих новым хозяевам страны капитализировать СССР.

Вынужден сказать, что я и сам до сих пор не могу избавиться от этого впечатления.

В то время мы не раз говорили с союзным президентом об угрозе, которая нависла над страной, об активизации действий оппозиции, всякого рода экстремистских элементов. 3 августа 1991 года, всего за две недели до так называемого «путча» Горбачев на заседании кабинета министров констатировал «наличие в стране чрезвычайной ситуации и необходимости чрезвычайных мер». Причем, как он подчеркивал, «народ поймет это!».

Мог ли такой вывод сделать президент, не имея достоверной информации? Думаю, что нет. Но в то же время нельзя было не учитывать, что и сама эта информация могла быть сфабрикована и подброшена службам безопасности, которые, как говорится, проглотили ее и «сообщили по инстанции». Газета «Аргументы и факты» (3 января 1992 г.) выдвинула даже версию, что сценарий «путча» был разработан одним из находящихся на свободе сподвижников Горбачева и затем «подброшен Крючкову и компании». Я еще тогда ответил газете, что не люблю оценивать обстановку по сплетням.

Единственно, что следует отметить: уж очень много было тогда разных сил, заинтересованных в том, чтобы разгорелся пусть хоть маленький, хоть не очень кровавый, но путч.

Заинтересованы были «демократы», чтобы немедленно открыть огонь по коммунистическим штабам. «Столкновение было неизбежным. Это понимали и демократы, и консерваторы», – пишет Г. Попов. Недаром у него «задолго до путча» было множество вариантов, сценариев и контрсценариев.

Один из таких сценариев состоял в обвинении ряда членов Политбюро в подготовке к заговору и в сообщении этой «новости» Горбачеву откуда-то извне. Для этого Попов 20 июня 1991 года отправляется в американское посольство. «Беседуя за чашкой кофе в моей резиденции, – вспоминает посол США в СССР Джек Мэтлок, – Попов, тогда только что избранный мэром Москвы, вдруг решил сообщить мне нечто важное. Для того чтобы его не подслушали по микрофонам КГБ, он написал записку. „Организуется переворот для смещения Горбачева, – говорилось в записке. – Мы должны дать знать Борису Николаевичу“. Затем

Попов написал имена четырех заговорщиков, которые занимали высокие посты в кабинете Горбачева: Павлова, Крючкова, Язова и Лукьянова. Я мгновенно уведомил об этом Вашингтон по самой надежной линии связи. Вскоре после этого президент Джордж Буш позвонил Горбачеву...»

Таким образом, использовались все варианты, направленные на то, чтобы спровоцировать защитников Советской власти на выступление, которое послужило бы поводом для удара по руководству страны и прежде всего по КПСС.

«ГКЧП из всех возможных вариантов избрал такой, о котором мы могли только мечтать», – радостно потирает руки лидер либерал-демократов Г. Попов. (См. «Известия», 21 августа 1992 г.) Он, видимо, прекрасно знал, что заранее отработанный план противодействия «путчистам» под кодовым названием «План Икс» уже лежал в сейфе Белого дома у генерала К. Кобеца. В нем были расписаны все «контрмеры», в частности даже то, «какое предприятие, что должно выделить: где взять железобетонные плиты, где металл и т. д.» (См. «Московский комсомолец», 31 августа 1991 г.)

Немалая заинтересованность в «коммунистическом путче» была и у разного рода движений, в том числе у «Движения демократических реформ» (А. Яковлев, Э. Шеварднадзе и др.). Прогнозы их лидеров, многочисленные заявления «об угрозе справа», демонстративный выход из КПСС – все это нужно было хоть как-то оправдать. Иначе о чем тогда шум? К чему крикливая пропагандистская кампания о том, что консерваторы перетянули президента на свою сторону?

Наконец, как уже отмечалось, пристальный интерес к нашим внутренним событиям проявлялся за рубежом, о чем говорят шедшие оттуда предупреждения и намеки.

Не слишком ли много совпадений – демаршей, планов, вариантов? А цель одна – спровоцировать защитников социализма и Союза ССР, дискредитировать коммунистов, их партийные организации, деятельность которых на предприятиях и учреждениях уже была к тому времени запрещена указом российского президента от 14 июля 1991 г. Вызвать путч, разгромить его и двигаться дальше в объятия «мировой цивилизации», то бишь под диктат Международного валютного фонда, – вот простая и ясная цель. Черчилль, Джон Фостер Даллес и Маккарти бешено аплодировали бы такому «путчевому повороту», способствующему осуществлению их давней мечты – крушению коммунистической системы путем развала ее изнутри.

Возможно ли это? Да, на мой взгляд, такой вариант возможен. И в 40 томах следственного дела об августовских событиях, и в печати, и в неосторожных восторгах западных политиков можно найти тому подтверждение. Ведь недаром президент США Дж. Буш после августа

1991 года прямо заявил, что это не только победа демократии, но и «наша победа – победа ЦРУ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.